

Научная статья
УДК 81

Осетинские глаголы с приставкой *фæ-* imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе

А. А. Левитская

Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания, Владикавказ, Россия
54alina.levitskaya@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – выявить причины особого статуса глаголов указанной группы в структуре функционально-семантического поля аспектуальности в осетинском языке. Приведенные в статье факты свидетельствуют о возможностях восстановления важных страниц из истории формирования в современном осетинском языке вида как грамматической категории с использованием данных родственных и неродственных языков, а также данных архаичного дигорского диалекта осетинского языка. Сопоставление с историей развития вида в современном русском языке позволяет выявить черты типологического сходства между двумя языками. Аспектуально-акциональные особенности глаголов с *фæ-* imperfectiva tantum, будучи включенными в систему генетических, ареальных и типологических связей, становятся чрезвычайно информативными не только для понимания особенностей грамматического строя исследуемого языка, но и для приобщения к истории этого языка, к истории народа – его носителя.

Ключевые слова: осетинский язык, русский язык, вид как грамматическая категория, предельность, неопределенность, имперфективность, перцептивность, пространственная ориентация, превербы

Для цитирования: Левитская А. А. Осетинские глаголы с приставкой *фæ-* imperfectiva tantum в аспектуально-акциональной ретроспективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 10 (904). С. 40–47.

Scientific article

Ossetian Verbs with the Prefix *фæ-* Imperfectiva Tantum in Aspectual-Actional Retrospective

Alina A. Levitskaya

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia
54alina.levitskaya@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to identify the reasons for the special status of the verbs of this group in the structure of the functional-semantic field of aspectuality in the Ossetian language. The facts presented in the article indicate the possibilities of restoring important pages from the history of the formation of aspect as a grammatical category in the modern Ossetian language using data from related and unrelated languages, as well as data from the archaic Digor dialect. Comparison with the history of the development of aspect in modern Russian allows us to identify features of typological similarity between the two languages. Aspectual-actional features of verbs with *фæ-* imperfectiva tantum, being included in the system of genetic, areal and typological connections, become extremely informative not only for understanding the features of the grammatical structure of the language under study, but also for familiarizing oneself with the history of this language, with the history of the people – its speaker.

Keywords: Ossetian language, Russian language, aspect as a grammatical category, ultimacy, inultimacy, imperfectivity, perceptivity, spatial orientation, preverbs

For citation: Levitskaya, A. A. (2025). Ossetian verbs with the prefix *фæ-* imperfectiva tantum in aspectual-actional retrospective. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(904), 40–47. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье исследуется небольшая часть осетинской лексики – приставочные глаголы с *фæ*- *imperfectiva tantum* – 112 лексем ≈13 % от общего числа глаголов с приставкой *фæ*- из Осетинско-русского словаря¹, самого объемного из изданных в последнее десятилетие словарей осетинского языка. Эта группа глаголов представляет научный интерес аспектуально-акциональной семантикой, отражающей определенный этап в развитии осетинского вида как грамматической категории. В ходе исследования решаются следующие задачи: изучить и описать содержание словарных статей о выше-названных глаголах (используются описательный метод и метод компонентного анализа); провести сравнительно-сопоставительный анализ аспектуально-акциональной семантики глаголов этой группы и глаголов, маркированных этой же приставкой, но с другой аспектуально-акциональной семантикой, а также глаголов, маркированных другими приставками (сравнительно-сопоставительный метод); проследить генетические связи преверба *фæ*- с превербами других индоевропейских языков в способности обозначать предельность (сравнительно-исторический метод), ареальные связи с неродственными соседствующими кавказскими языками, отразившиеся в семантике, не свойственной глагольным приставкам индоевропейских языков (методы ареальной лингвистики); выявить черты типологического сходства и различия при исследовании процессов формирования вида как грамматической категории в осетинском и в русском языках (историко-типологический метод). Кроме того, используются приемы и методы функциональной грамматики при изучении языковых фактов как элементов функционально-семантического поля (*далее* ФСП) аспектуальности современного осетинского языка. Подробный анализ аспектуально-акциональных значений исследуемых глаголов с позиции истории их генетических, ареальных и типологических связей проводится впервые, представляется актуальным, так как восполняет некоторые лакуны в характеристике ФСП аспектуальности в современном осетинском языке, в общей и сопоставительной (русско-осетинской) аспектологии. Практическая ценность несомненна, так как полученные результаты позволяют уточнить определенные разделы истории осетинского языка, а также могут применяться в образовательном процессе и учебно-методической деятельности при изучении темы «Глагол» в вузах Северной и Южной Осетии при подготовке

специалистов по направлению «Филология. Родной (осетинский) язык».

СЛОВАРНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ГЛАГОЛАХ IMPERFECTIVA TANTUM С ПРИСТАВКОЙ *фæ*-

Производящими для глаголов с *фæ*- только несовершенного вида выступают глаголы и предельной, и неопредельной, и двойственной семантики предельности / неопредельности, например:

- *предельной* семантики: ивылын / разливаться (2, 668) → *фæ*ивылын / разливаться (234)² и др.; *неопредельной* семантики: зарын / петь (2, 582) → *фæ*зарын / петь, распевать (227) и др.;
- *двойственной* (предельной / неопредельной) семантики: мæрзын – *предельное значение*: подметать;
- *неопредельное значение*: мести (3, 273) → *фæ*мæрзын / мести; выметать, подметать (255) и др.

Присоединение приставки *фæ*- указывает на предельный характер действия, обозначаемого данным глаголом, но сами глаголы, как следует из содержания словарных статей, остаются в зоне несовершенного вида (*далее* НСВ), даже те, которые являются производными от предельных значений. Например:

- *фæ*бонырдаем уын / рассветать (218) ← бонырдаем к. / светать (2, 240);
- *фæ*ихсийын / иссякать, истощаться, изнашиваться, стираться (235) ← ихсийын / иссякать, истощаться, изнашиваться, стираться (2, 719);
- *фæ*лæдæрсын / стекать, просачиваться (241) ← лæдæрсын / стекать, просачиваться; выделяться; являться (3, 204) и др.

Показателен тот факт, что предельные глаголы, производящие для глаголов анализируемой группы, соединяясь с другими приставками, образуют видовую пару совершенного вида (*далее* СВ), тогда как их производные с *фæ*- соотносительной видовой пары не имеют, например:

- уæй к. / продавать (4, 137) [НСВ] – *фæ*уæй к. / продавать (304) [НСВ]; ср.: ауæй к. / продать (1, 215) [СВ];
- ивын / менять(ся), обменивать(ся), заменять (2, 668) – *фæ*ивын / изменять(ся), менять(ся)

¹Осетинско-русский словарь: в 4 т. Владикавказ: СОИГСИ ВЦ РАН. 2019. Т. 4.

²Здесь и далее для словарных примеров с приставкой *фæ*- указывается только номер страницы, так как вся информация об этих глаголах сосредоточена в 4-м томе указанного выше словаря (*Осетинско-русский словарь*, 2019, с. 216–667). Для глаголов с другими приставками указываются номер тома и страница.

(234) [НСВ]; ср.: **ба**ивын / выменять, променять, разменять (2, 48) [СВ];

- **мæ**лын / умирать (3, 264) – **фæмæ**лын / умирать (255) [НСВ]; ср.: **æрбамæ**лын / умереть (внезапно) (1, 546) [СВ];
- **фæдзæх**сын / поручать и др. (4, 227) – **фæфæдзæх**сын / поручать и др. (307) [НСВ]; ср.: **ныф**фæдзæхсын / поручить (3, 397) [СВ] и др.

Следующие примеры глаголов с двойственной семантикой предельности / неопределенности (*далее* П/НП) демонстрируют актуализацию предельности, обусловленную присутствием объектно-предметных ограничителей:

- **ка**лын / лить; валить; рубить (3, 15) ← **фæка**лын (дон; туг; **цæстыг**) / проливать (воду; кровь; слезы); **фæка**лын (**бæлас**, **хъæд**) / сваливать (дерево), вырубать (лес); **фæка**лын (**быррæттæ**) / выбрасывать (мусор); **фæка**лын (**хоры нæмыг**) / просыпать (зерно);
- **ру**вын / полоть (3, 553) ← **фæру**вын (**хæмпæлтæ**) / пропалывать (279) и др.

Актуализацию предельного значения обеспечивают количественно-временные ограничители, например:

- **ныхас** к. / беседовать, разговаривать (3, 399) → **фæныхас** к. / долго беседовать (268);
- **фынæй** к. / спать (385) → **фæфынæй** к. / долго спать (309) и др.;
- а также показатели интенсивности действия, например: **домын** / требовать (2, 441) → **фæдомын** / постоянно требовать чего-л. (224);
- **хъыг** к. / скорбеть, печалиться, горевать, скучать, тяготиться (4, 636) → **фæхъыг** уын / тяжело переживать (617) (имплицитная сема 'долго переживать' – А. Л.) и др.

Возможно сочетание количественно-временных ограничителей с показателями интенсивности, например:

- **фæтох** к. / бороться долго и упорно (301) ← **тох** к. / бороться, воевать, сражаться (4, 63);
- **фæфыссын** / писать много и долго (309) ← **фыссын** / писать (4, 398);
- **фæцагурын** / долго искать, выискивать (т. е. 'искать тщательно' – А. Л.) (318) ← **агурын** / искать (1, 28) и др.

Случаи актуализации предельных значений в глаголах, неопределенных в абсолютном употреблении, благодаря присутствию определенных

ограничителей широко представлены и в современном русском языке. В подобного рода примерах предельность отличается иным характером. Признаки количественно-временного предела, крайней границы продолжительности и интенсивности действия «не маркируют обязательного прекращения действия исходного глагола, указывая лишь на наличие отмеченных границ» [Шелякин, 2017, с. 69].

СОПОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ГЛАГОЛОВ С **фæ-IMPERFECTIVA TANTUM** С ГЛАГОЛАМИ РЕЗУЛЬТАТИВНО-КРАТНОГО СПОСОБА ДЕЙСТВИЯ В ПРАСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Историко-типологический интерес представляет, на наш взгляд, разновидность глаголов типа:

- **барын** / извинять, прощать (1, 312) – **фæбарын** / много раз прощать, извинять (317) (*букв.* 'простить, прощать; извинить, извинять неоднократно');
- **давын** / красть, воровать (2, 386) → **фæдавын** / красть, похищать, воровать (220) (*букв.* 'украсть неоднократно, красть в течение какого-то времени');
- **дæттын** / давать (2, 423) – **фæдæттын** / давать (множественно) (222) и др.

Круг осетинских глаголов подобной семантики узок, что позволяет считать их «реликтовыми», как и глаголы похожей семантики в русском языке типа «давывать» и др., на близость которых к глаголам «результативно-кратного» способа действия в праславянском языке указывал Ю. С. Маслов [Маслов, 2004, с. 468]. Показательно, что в осетинском языке, как и в праславянском, приставка не устраняет многократно-неопределенного значения основы. И при этом в обоих языках глаголы этого круга остаются в группе предельных [там же].

В группе глаголов с **фæ-** только несовершенного вида есть еще одна разновидность, которую не следует смешивать с вышеприведенными глаголами. Речь идет о лексемах, производных от глаголов со значением разных типов семантической неопределенности, а именно, от глаголов разных многоактных способов действия, например:

- **фæтæлфын** / шевелиться, постоянно вздрагивать, вертеться, суетиться, крутиться и т. п. (298) ← **тæлфын** / вертеться, двигаться, крутиться, суетиться (4, 30);
- **фæбатаæ** к. / целовать(ся) (какое-то время) (217) ← **батаæ** к. / целовать(ся) (2, 67);
- **фæниуын** / выть, завывать (какое-то время) (267) ← **ниуын** / выть, завывать (*о ветре, о волнах*) (3, 367) и др.

В смысловом потенциале глаголов с *фæ-* этой группы есть указание на временное ограничение в протекании действия, поэтому они могут быть включены в разряд неопределенных в абсолютном употреблении глаголов с возможными предельными значениями, детерминированными временными ограничителями:

- *фæдуцын* / доить продолжительное время (224) ← *дуцын* / доить (2, 461);
- *фæрайын* / долго лаять (273) ← *райын* / лаять (3, 528);
- *фæрацу-бацу к.* / расхаживать, прохаживаться (в течение какого-то времени. – А. Л.) (271) ← *рацу-бацу к.* / ходить туда-сюда, прохаживаться (3, 519);
- *фæризын* / долго дрожать (болеть малярией продолжительное время) (267) ← *ризын* / дрожать, трястись, находиться в лихорадке (3, 542) и др.

ПАРАЛЛЕЛИ С ДАННЫМИ О СИТУАЦИЯХ В ДРЕВНЕРУССКИХ И СТАРОСЛАВЯНСКИХ ПАМЯТНИКАХ, А ТАКЖЕ В ГОТСКОМ ЯЗЫКЕ И В ДРУГИХ ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Анализ аспектуально-акциональных особенностей глаголов с приставкой *фæ-* только НСВ позволяет заметить сходство с ситуацией в истории русского вида, а именно: «В древнерусских и старославянских памятниках древнейшей эпохи еще не было того противопоставления СВ и НСВ, какое наблюдается теперь, – присоединение приставки ... не переводило глагол в совершенный вид» [Кузнецов, 1951, с. 452]. Исследуемая группа стоит особняком не только среди осетинских глаголов с другими приставками, но также отличается своей аспектуально-акциональной семантикой и от других глаголов с приставкой *фæ-*, а именно, от глаголов: 1) имеющих видовые пары; 2) только совершенного вида; 3) совмещающих в одной лексеме значения двух видов.

Вполне логичным представляется сравнение роли приставки *фæ-* в анализируемой группе осетинских глаголов с функционированием приставки *ga-* в готском языке. «К основам, выступавшим... в предельном и неопределенном значениях... для недвусмысленного выражения предельного значения всё чаще прибавляется приставка *ga-* (или другие приставки)» [Маслов, 2004, с. 261, 265]. По мнению Ю. С. Маслова, так обстояло дело не только в готском, но «и в других древних германских языках, а также, по-видимому, в латыни и в древнегреческом» [Маслов, 1984,

с. 17]. Приведенное замечание профессора Ю. С. Маслова о маркировке предельности с помощью приставок в древних индоевропейских языках в полной мере распространяется и на древнеиранские языки. Так, например, в языке Авесты наблюдается «довольно богатая система предлогов-превербов, уточнявших протекание действия в пространственном, временном отношении, а также указывавших на предельность действия... Прибавлением различных превербов, главным образом локальной семантики, ... образуется большая группа глаголов, имеющих значение предельности, от глаголов с различной семантикой...» [Эдельман, 1975, с. 347]. На функцию обозначения предельности с помощью приставок в древнеперсидском языке указывают Е. Е. Арманд [Арманд, 2000] и др. авторы. Подтверждением того, что в древнеосетинском языке в период «от второй половине II тысячелетия до н. э., а точнее до гуннского нашествия, т. е. до IV века н. э.» [Абаев, 1965, с. 53] превербы были способны маркировать предельность, считаем гипотезу В. И. Абаева об их «перфективирующей функции» (т. е. фактически о маркировке предельности) в этот период¹ [там же].

ФАКТЫ ИЗ ДИГОРСКОГО (БОЛЕЕ АРХАИЧНОГО, ЧЕМ ИРОНСКИЙ) ВАРИАНТА СОВРЕМЕННОГО ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА

Убедительным аргументом в пользу того, что «предок» осетинского языка «вынес» из общей индоевропейской общности способность с помощью превербов указывать на предельный характер действия, являются данные более архаичного дигорского варианта осетинского языка, который выполняет в силу определенных исторически сложившихся обстоятельств [Абаев, 1949, с. 357, 493; Исаев, 1966; Кузнецов, 1971, с. 41–45] «миссию», свойственную памятникам письменности для других языков. В общей логике нашего исследования чрезвычайно ценными являются следующие факты дигорского варианта, а именно:

- в современном осетинском языке (в его основе – иронский диалект!) функционирует большое число опрошенных глагольных образований с переразложением основы [Абаев, 1965, с. 63–64]. Приставки в них

¹Проф. В. И. Абаев оказался в числе многих других выдающихся лингвистов-индоевропейцев, которые за «внешним сходством между префиксальными глаголами славянских языков и префиксальными глаголами других индоевропейских языков не видели существенного содержательного различия между славянской перфективностью и предельностью глагольного действия... На этой почве сложилась теория о «перфективирующей» силе глагольных приставок во всех или почти во всех индоевропейских языках» [Маслов, 2004, с. 345].

слились с основой. С позиции современного осетинского словообразования они осознаются как мертвые, непродуктивные. Это следующие приставки: *æв-* / *æф-*; *æм-* / *æн-*; *и-*; *ив-*; *у-*; *фæл-*; *фæр-*; *рæ-* / *ло-*. Им противостоят живые, продуктивные: *а-*; *æр-*; *æрба-*; *ба-*; *ны-*; *ра-*; *с-*; *фæ-*. Глаголы, подвергшиеся переразложению, являются глаголами предельной семантики, что подтверждает функцию древних приставок как маркеров предельности, например: *æвзарын* / *выбирать*; *ивгъуийын* / *проходить мимо, миновать*; *лæмарын* / *выжимать*; *фæрсудзын* / *процеживать* и др.;

- в иронских глагольных формах, параллельных опрошенным дигорским, «мертвые» превербы отсутствуют, но при соединении с живыми приставками они восстанавливаются, что позволяет вышеупомянутую утрату «мертвых» превербов оценивать как недавнюю, например:

Русский	Дигорский	Иронский	Иронский (при соединении с живыми приставками)
исчезать	исæфун	сæфын	æрба-й-сæфын / исчезнуть (внезапно)
смызывать	исæрдун	сæрдын	ба-й-сæрдын / смазывать
развязывать	ихалун	халын	ра-й-халын / развязать

Примеры, подобные вышеприведенным, отражают, на наш взгляд, тот этап истории развития вида в современном осетинском языке, когда обозначение предельности с помощью приставок перекрывается оппозицией СВ / НСВ, вследствие чего отпадает нужда в специальном обозначении предельного характера действия с помощью приставок, поскольку значение предельности входит в семантический потенциал перфективности. Аналогичные процессы наблюдались, по данным письменных источников, и в русском языке, «где оппозиция предельности / неопределенности сохраняется в «снятом виде», будучи перекрыта развитием совершенности и несовершенности...» [Маслов, 2004, с. 456]. Находящуюся в фокусе нашего внимания группу осетинских глаголов с приставкой *фæ-* *imperfectiva tantum* можно, как нам кажется, оценивать как «отголосок» того периода в истории осетинского языка, когда предельные глаголы еще не знали дифференциации по виду.

ЧЕРТЫ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СХОДСТВА В ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ВИДА В ОСЕТИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как отмечалось нами выше, есть все основания считать, что способность маркировать предельность действия с помощью приставок современный осетинский язык унаследовал из общеиранского периода своей истории [Абаев, 1965, с. 53; Оранский, 1979, с. 83], т.е. обладал этой способностью к началу кавказского этапа своей биографии.

Этот этап тесных отношений и взаимодействия с «народами коренного кавказского этнического круга» на протяжении более, чем две тысячи лет, характеризуется мощным кавказским субстратом [Абаев, 1949, с. 76]. «Очевидно а priori, что такие продолжительные связи не могли не оставить "следы" в языке...» [там же]. В числе наиболее ярких «следов» отметим развитие в осетинских приставочных глаголах движения / перемещения (и в глаголах других лексических разрядов, семантика которых включает идею возможной направленности действия) пространственно-ориентационных значений. «Особенностью локативной семантики осетинских глагольных префиксов сравнительно с индоевропейскими является то, что они выражают не только направление передвижения абстрактно в пространстве, но и положение наблюдающего субъекта по отношению к движущемуся предмету. Аналогичное положение вещей в грузинском языке и ряде восточно-горских языков» [Абаев, 1949, с. 106–107].

Значение пространственной ориентации, отличающее каждую из осетинских глагольных приставок (кроме *фæ-*) [Абаев, 2011; Исаев, 1966], позволяет обозначить перцептивность (восприятие, наблюдаемость) действия *intra terminos* (между началом и концом), *in medias res* (в середине процесса). Признак перцептивности является, как неоднократно отмечали выдающиеся аспектологи XX века, важнейшим контекстуальным и ситуативным условием реализации функции процессности [Маслов, 2004; Бондарко, 1980]. Обозначение перцептивности предполагает определенное соотношение семы «место наблюдения» с семой «место протекания действия». Развитие в приставочных осетинских глаголах движения / перемещения способности обозначать перцептивность процессного характера действия, т.е. фактически выражать значение имперфективности, явилось началом формирования вида как грамматической категории в осетинском языке.

Выразителем значения конкретной процессуальности в осетинском языке стали приставочные глагольные образования с аффиксом *-цæй-*. В современном осетинском языке эти формы

обозначают более абстрактное значение недостижимости предела действия, которое составляет семантический потенциал осетинского НСВ [Цалиева (Левитская), 1983, с. 59–63, 86–96]. Данные архаичного дигорского варианта свидетельствуют о том, что в дигорском формы с *-цæй-* могут не указывать на процессуальность называемого ими действия, обозначают действие как достигшее предела [Абаев, 1949]. Эти факты интересны в качестве подтверждения относительно «молодого возраста» вида как грамматической категории в современном осетинском языке.

Как известно, первым этапом в истории развития русского вида явилось обозначение процессности (имперфективности) в кругу приставочных глаголов движения / перемещения, которые были отчетливо дифференцированы по категориям определенности / неопределенности и предельности / неопределенности, на стыке которых и началось формирование видовых значений¹.

«Предпосылкой возможного возникновения в префиксальных предельных глаголах значений совершенного вида является возникновение противопоставленных им образований с той же приставкой и с тем же значением предельности, но изображающих данное действие как протекающий и незавершенный процесс. Там, где нет таких образований, нет и условий для формирования совершенного вида: без имперфективации приставочных глаголов нет и перфективации простых глаголов посредством присоединения приставки» [Маслов, 1984, с. 17].

Сходные предпосылки: в осетинском языке – соединение значений пространственно-ориентационной категории и предельности в

приставочных глаголах движения / перемещения, в русском языке – соединение значений категории определенности / неопределенности и предельности в приставочных глаголах движения / перемещения – *реализовались для обозначения перцептивности (наблюдаемости) процессного характера действия*, что стало первым шагом в развитии грамматической категории вида в обоих языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ретроспектива аспектуально-акциональной семантики глаголов с приставкой *фæ-* группы *imperfectiva tantum* позволяет увидеть *генетическое* сходство в способности осетинских глагольных приставок (как индоевропейских!) обозначать предельность действия; *ареальное* сходство – в развитии способности выражать значения пространственно-ориентационной категории под влиянием грамматического строя соседствующих неродственных кавказских языков и, наконец, *типологическое* сходство – в закономерностях реализации вышеобозначенных сходных предпосылок при формировании вида как грамматической категории в осетинском и в русском языках.

Анализ видовой «дефективности» малочисленной «реликтовой» группы глаголов открывает страницы из истории осетинского народа, из истории развития грамматического строя осетинского языка, истории взаимоотношений его диалектов, его связей с родственными и неродственными языками и вносит несомненный вклад в базу данных общей и сопоставительной аспектологии относительно формирования вида в осетинском (иранском) языке индоевропейской языковой семьи.

¹Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М.: Наука, 1982. С. 163.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шелякин М. А. Способы действия в поле лимитативности // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Ленанд, 2017. С. 63–85.
2. Кузнецов П. С. Примечания // Мейе А. Общеславянский язык. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 415–470.
3. Маслов Ю. С. Категория предельности/непредельности глагольного действия в готском языке // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 249–266.
4. Маслов Ю. С. Об основных понятиях аспектологии // Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. С. 5–47.
5. Эдельман Д. И. Категория времени и вида иранских языков. М.: Наука, 1975. Т. II. Эволюция грамматических категорий. С. 337–410.
6. Арманд Е. Е. Соотношение превербов *ana-* и *vi-* в древнеперсидском языке // Василию Ивановичу Абаеву 100 лет: сборник статей по иранистике, языкознанию, евразийским культурам. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 209–213.
7. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М.: Наука, 1965.

8. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.
9. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 1.
10. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. Фонетика. Морфология. М.: Наука, 1966.
11. Кузнецов В. А. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир, 1971.
12. Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.
13. Орнский И. М. Вопросы историко-типологической классификации иранских языков // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 10–128.
14. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка // Осетинско-русский словарь. 3-е изд. Владикавказ: Ир, 2011. С. 438–559.
15. Бондарко А. В. Об уровнях описания грамматических единиц /На примере анализа функций глагольного вида в русском языке // Функциональный анализ грамматических единиц. Л.: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. С. 5–28.
16. Цалиева (Левитская) А. А. Аспектуальность в осетинском языке, ее генетические и ареальные связи: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1983.

REFERENCES

1. Shelyakin, M. A. (2017). Modes of action in the field of limitativity. In *Theory of functional grammar: Introduction. Aspectuality. Temporal localization. Taxis* (pp. 63–85). Moscow: Lenand. (In Russ.)
2. Kuznetsov, P. S. (1951). Notes. In Meie, A., *Common Slavic language*. Moscow: Publishing house of foreign literature. (In Russ.)
3. Maslov, Yu. S. (2004). Category of liminal / inliminal verbal action in the Gothic language. In *Aspectology. General linguistics* (pp. 249–266): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
4. Maslov, Yu. S. (1984). On the basic concepts of aspectology. In *Essays on aspectology* (pp. 5–47). Leningrad: Leningrad State University. (In Russ.)
5. Edelman, D. I. (1975). The category of time and aspect of Iranian languages (vol. II. Evolution of grammatical categories, pp. 337–410). Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Armand, E. E. (2000). The relationship of the preverbs *ana-* and *vi-* in the Old Persian language. Vasily Ivanovich Abaev is 100 years old (pp. 209–213): a collection of articles on Iranian studies, linguistics, and Eurasian cultures. Moscow. (In Russ.)
7. Abaev, V. I. (1965). Scythian-European isoglosses. At the junction of East and West. Moscow: Nauka. (In Russ.)
8. Maslov, Yu. S. (2004). On the foundations of comparative aspectology. In *Aspectology. General linguistics* (pp. 305–364): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
9. Abaev, V. I. (1949). *Ossetian language and folklore* (vol. 1). Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. (In Russ.)
10. Isaev, M. I. (1966). Digor dialect of the Ossetian language. Phonetics. Morphology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
11. Kuznetsov, V. A. (1971). Alania in the 10th–13th centuries. Ordzhonikidze: Ir. (In Russ.)
12. Maslov, Yu. S. (2004). The role of the so-called perfectivation and imperfectivation. In *Aspectology. General linguistics* (pp. 445–476): Selected works. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ.)
13. Oransky, I. M. (1979). Issues of historical and typological classification of Iranian languages. *Fundamentals of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages* (pp. 10–128). Moscow. (In Russ.)
14. Abaev, V. I. (2011). Grammatical essay on the Ossetian language. *Ossetian-Russian dictionary* (pp. 438–559). 3rd ed. Vladikavkaz: Ir. (In Russ.)
15. Bondarko, A. V. (1980). On the levels of description of grammatical units (Based on the analysis of the functions of the verb aspect in the Russian language). In *Functional analysis of grammatical units* (pp. 5–28). Leningrad: LGPI named after A. I. Herzen. (In Russ.)
16. Tsalieva (Levitskaya), A. A. (1983). Aspectuality in the Ossetian language, its genetic and areal connections: PhD thesis in Philology. Leningrad. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Левитская Алина Афакоевна

кандидат филологических наук, доцент

руководитель отдела культурного наследия

Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Levitskaya Alina Afakoevna

PhD in Philology, Associate Professor

Head of Cultural Heritage Department

Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania

Статья поступила в редакцию	10.07.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	25.08.2025	approved after reviewing
принята к публикации	15.09.2025	accepted for publication